

Гэбриель Конрой

Брет Гарт

ГЭБРИЕЛЬ КОНРОЙ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Г21

Перевод с английского Абея Старцева

Гарт, Б.

Г21 Гэбриель Конрой / Б. Гарт; [пер. с англ. А. Старцев]. –
М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 608 с.

ISBN 978-5-521-74377-3

Как говорил классик американской приключенческой литературы Брет Гарт о своём романе «Гэбриель Конрой» — эта книга «для американцев», чтобы современники знали о том, «что в истории Америки является подлинно великим и сильным». Этот роман о суровых и мужественных героях, о проявлениях человеческой доброты и верности. Но не только авантурный сюжет и колоритные образы героев привлекают новых читателей к произведениям Брета Гарта, а возможно, торжество справедливости, которое присутствует как в романе «Гэбриель Конрой», так и во всех рассказах и повестях писателя о жизни золотоискателей американского Запада.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
ISBN 978-5-521-74377-3 © Перевод. А. Старцев, наследники, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА ПОРОГЕ

1. ВОВНЕ

Бело. Кругом бело. Даже если вы взберетесь на самую высокую из здешних вершин, чтобы глянуть на юг, — а окрестность открывается оттуда на добрые пятьдесят миль, — то и тогда не увидите ничего, кроме снега. Снег засыпал яры и ущелья, одел белым саваном каньоны, преобразил водораздел в подобие чудовищного могильника, укрыл основания сосен-гигантов и с верхушками упрятал молодые сосенки и лиственницы, облил белой глазурью берега чашеобразных озер, таких тихих сейчас и недвижных, и простерся — словно застывший волнистый океан — вплоть до самой линии горизонта. 15 марта 1848 года калифорнийская Сьерра была под белым покровом, а снег все валил и валил.

Он шел уже десять суток. Он падал на землю изящными ледяными кристаллами, мокрыми губчатыми хлопьями, прозрачными легкими пушинками. Из свинцовых туч он шел ровно и медленно, с багряно-черного неба

валился плотной массой, а когда по небу проносились разорванные облака, они выбрасывали снег длинными струями, словно белые копья. Он падал беззвучно. Леса задыхались от снега, ветви деревьев изнемогали под его тяжестью; он захватил, пропитал, взял в полон и небо и землю; он укутал, устлал мягким ковром гулкие утесы и звенящие эхом склоны гор, обрекши их на безмолвие. Самый резвый порыв ветра, самый яростный вихрь не мог теперь вызвать ни жалобы, ни вздоха от скованного снегом, окаменевшего леса. Сук не хрустнет, хворост не затрещит. Перегруженные снегом ветви сосен и елей отламывались от стволов и падали на землю в молчании. Безмерная, бескрайняя, необъятная тишина!

Ни малейшее дыхание жизни, ни малейшее движение не нарушали строго очерченный облик этого заколдованного пейзажа. Вверху не было привычной игры света и тени: сгущающаяся тьма бури сменялась ночной тьмой. Внизу — ни птицы над белой пустыней, ни зверя — в черном лесу. Если и обитали когда в этих пространствах живые существа, они давно ушли прочь — в низины. Нигде — ни пробитой тропы, ни следа. Если и был здесь отпечаток ноги человека или животного, его стер, замел падающий снег. Пустыня просыпалась каждое утро девственной и безмятежной; миллионы крохотных танцоров успевали отполировать за ночь снежную гладь. Но все же в самом центре пустыни, в главном форте этой суровой крепости виднелся знак людского труда.

Несколько срубленных деревьев лежало у самого входа в каньон, свежие стружки были лишь слегка припорошены снегом. Эти деревья были свалены для того, чтобы вернее открыть взору другое дерево, к стволу ко-

того было прикреплено грубое изображение человеческой руки, указующей на каньон. Под изображением руки был накрепко прибит квадратный кусок парусины со следующей надписью:

«ВНИМАНИЕ!

Партия переселенцев под водительством капитана Конроя заблудилась в снежную бурю и разбила лагерь в этом каньоне. Продовольствие кончилось. Умираем голодной смертью.

Вышли из Сент-Джо 8-го октября 1847 года.

Вышли из Солт-Лейк 1-го января 1848 года.

Прибыли сюда 1-го марта 1848 года.

Потеряли половину лошадей, переправляясь через Плату.

Бросили повозки 20-го февраля.

ПОМОГИТЕ!

Вот наши имена: Джоэл Маккормик, Питер Дамфи, Поль Деварджес, Грейс Конрой, Олимпия Конрой, Мэри Дамфи, Джейн Брэкет, Гэбриель Конрой, Джон Уокер, Генри Марч, Филип Эшли».

Внизу было приписано помельче карандашом:

«Мама умерла 8-го ноября в Суитуотере.

Мини умерла 1-го декабря в Эхо-Каньоне.

Джейн умерла 2-го января в Солт-Лейк.

Джеймс Брэкет пропал без вести 3-го февраля.

ПОМОГИТЕ!»

Жалобы страдальцев обычно не претендуют на изящество стиля или законченность формы; сомневаюсь,

однако, чтобы какие-либо риторические ухищрения могли придать этому объявлению еще большую выразительность. Поэтому я привожу его в точности, как оно висело на дереве в день 15 марта 1848 года, полузакрытое тонкой пленкой мокрого снега, под выбеленной снегом, словно отмороженной, рукой, указующей окостеневшим перстом — как если бы то был перст самой смерти — в сторону рокового каньона.

В полдень буря поутихла, и восточная сторона неба чуть посветлела. Стали различимы суровые очертания дальних вершин, и, словно запавший от бескормицы, белый рок горы заблестел. Кто-то двигался по заснеженному склону, двигался медленно, с огромным трудом, двигался столь странным образом, что не сразу можно было решить, человек это идет или зверь. То он поднимался на ноги, то припадал на четвереньки, иногда устремлялся вперед, словно пьяный, утративший чувство равновесия, но при всем том строго сохранял принятое направление: он шел к каньону.

Вскоре сомнения рассеялись: то был человек. Исхудалый до невозможности, оборванный, укутанный в ветхую бизонью шкуру, но все же человек, и к тому же решительного характера. Молодой человек, хотя плечи его ссутулились, а ноги едва ходили, хотя горе и заботы избородили его лоб преждевременными морщинами и проложили складки в углах застывшего рта; молодой, хотя страдания и голод прогнали с его лица юношескую беспечность, оставив лишь ярость и отчаяние.

Подойдя к дереву у входа в каньон, он счистил снег с парусинового плаката, а потом привалился к стволу и простоял несколько минут неподвижно. В отрешенной

этой позе сквозило нечто такое, что говорило о крайнем изнеможении еще красноречивее, нежели лицо его и движения, и было трудно объяснимо даже при создавшихся обстоятельствах. Чутьочку отдохнув, он двинулся дальше, подстегивая свою нервную энергию, спотыкаясь, падая, останавливаясь, чтобы поправить соскальзывавшие с ног лыжи-самоделки из еловой коры, и вновь устремляясь вперед с лихорадочностью человека, который страшится, как бы не изменила ему его крепкая воля, последний его оплот.

На расстоянии мили от дерева, где каньон, сужаясь, постепенно поворачивал к югу, из отверстия в снегу поднимался слабый кудрявый дымок. Когда молодой человек подошел поближе, он увидел свежие следы; у невысокого холмика, откуда тянулся дым, снег был утоптан. Тут он остановился, а если точнее сказать, прилег у входа в снеговую пещеру и что-то крикнул слабым голосом. Ответ прозвучал еще слабее. В отверстии показалась голова; из пещеры вылез человек, закутанный в лохмотья; за ним второй, третий, четвертый; скоро восемь человеческих существ, мужчин и женщин, окружили лежавшего на снегу вестника. Они сидели, припав к земле, как звери; на зверей они походили и полным отсутствием чувства приличия и стыда.

Они были так худы, так измучены, на их прозрачных от истощения лицах царил такая безнадежность, человеческое в них — вернее, то, что осталось человеческого, — пробуждало столь сильную жалость, что, глядя на них, трудно было не заплакать. Скотское же в них, пробужденное выпавшими на их долю лишениями, тупость, зверство, отсутствие мысли в лице выглядело столь неле-

по, что поневоле рождался смех. Это были деревенские жители, принадлежавшие в большинстве к тому социальному слою, который черпает самоуважение не в нравственной силе и не в силе интеллекта, а лишь в общественном положении и во владении собственностью. Как только страдание уравнило их, они отбросили стыд и совесть: за душой у них не осталось ничего, что могло бы заменить утраченные материальные блага. Они были детьми, но без детского честолюбия и духа соревнования; они были мужчинами и женщинами, но лишенными спокойной важности зрелого возраста. Все, что возвышало их над животным состоянием, было потеряно в снегах. Утрачены были даже видимые различия пола и возраста: шестидесятилетняя старуха ссорилась, дралась и сквернословила с ухватками заправского буяна; страдавший цингой юноша хныкал, стонал и падал в обморок подобно истерической девице. Так глубоко они пали, что вестник, вызвавший их из снежной пещеры, сколь ни был сам он дик с виду и подавлен душевно, казался теперь существом из другого мира.

Все эти люди были не в себе, сознание их помутилось, но одна женщина, как видно, вовсе лишилась рассудка. Она держала небольшое одеяло, сложенное так, словно в нем был укутан младенец (ребенок умер у нее на руках несколько дней тому назад), и баюкала сверток с трогательной верой в свою странную выдумку. Еще прискорбнее было то, что ее бред не пробуждал в окружающих ни малейшего отклика, ни раздражения, ни сочувствия; они просто его не замечали. Когда через несколько минут женщина попросила не шуметь, чтобы не разбудить ребенка, они устремили на нее равнодушные взоры.